

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Т Р У Д Ы
ПЕРВОЙ СЕССИИ АРАБИСТОВ

14—17 июня 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ • XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

В. Б. ЛУЦКИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1925—1927 гг. в СИРИИ¹

1. ОБ ИЗУЧЕНИИ АРАБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Десять лет тому назад в Сирии вспыхнула великая национальная революция, которая продолжалась больше двух лет. Больше двух лет в упорных боях с более сильным противником, проявляя чудеса героизма, арабский народ отстаивал свою национальную свободу и независимость. Эта замечательная героическая эпопея должна быть запечатлена не только историками, но также художниками слова. Однако изучение сирийской революции — это прежде всего наш долг, долг историков, изучающих новейший период в развитии арабских стран, изучающих национально-освободительную борьбу арабского народа.

Наша советская арабистика пока еще отстает от задач, выдвигаемых жизнью. К сожалению, это отставание особенно проявляется в той отрасли арабистики, которая представлена настоящим сообщением. Мне кажется, что советские арабисты могли бы дать очень много для изучения истории национально-освободительной борьбы арабского народа, но дали еще очень мало. Изучены ли нами многочисленные восстания XIX в. в Алжире — национально-освободительная война, возглавленная Абд-эль-Кадером (1832—1847), ряд восстаний в 50-х и 60-х годах — в Зааче, Лагуате, Большой Кабилии, Орании, на марокканской границе? Изучена ли нами гражданская война 1858—1860 гг. в Ливане, ряд дружеских восстаний, продолжавшихся на протяжении 60-х и 70-х годов XIX в.? Изучены ли фигуры вождей этих восстаний — Тануса Шехина и Шебли Атраша? Изучена ли революция Араби-паши в Египте или восстание, возглавленное Махди Ахмедом в Судане? Изучены ли те течения общественной мысли, которые были связаны с этими движениями в Египте, влияние таких писателей, как Джемаль-эд-Дин Афгани и Мухаммед Абдо на египетскую революцию (а для более позднего периода влияние Кауакиби на программу Лиги арабской родины Наджиба Азури,

¹ Стенограмма доклада, прочитанного на сессии Ассоциации арабистов при Институте востоковедения Академии Наук СССР, в заседании 15 июня 1935 г.

на партию децентрализации и Аль-Ахд)? Изучено ли египетское национальное движение в период Мустафы Камиля?

Новейший период в истории арабского национального движения еще более богат объектами исследования. Друзские восстания в начале XX в., арабское национальное движение в Сирии, возникшее в период русской революции 1905 г., наложившей неизгладимый отпечаток на всю новейшую историю арабов; национально-освободительная борьба в период мировой войны; волна послевоенных национальных революций; египетская революция 1919 г., иракское восстание 1920 г., сирийская революция 1925—1927 гг., палестинские восстания 1920, 1929, 1933 г.; восстание Абд-эль-Керима в Марокко — таковы основные темы, изученные пока еще в очень слабой степени.

Говоря об истории арабского национального движения, необходимо отметить большие заслуги акад. И. Ю. Крачковского, который, смело нарушив традиции старой арабистики, впервые сделал идеологию этого движения объектом научного исследования. В своих трудах по новейшей арабской литературе И. Ю. Крачковский познакомил нас с Джемаль-эд-Дином Афгани, с Абдо, с Кауакиби, с Мустафой Камилем, с рядом других новейших арабских писателей и деятелей, связанных с национальным движением. Он толкнул нас, молодых историков, начинающих изучать арабское национальное движение, к изучению первоисточников.

Кое-что, правда очень мало, сделано молодыми историками. В частности, надо отметить диссертацию т. Кильберг, о восстании Араби-паши (находится в печати). Но при всей большой ценности имеющих работ — это только начало новой науки, только начало новой отрасли арабистики, первые камни в ее фундаменте.

Я привел беглый, далеко не полный перечень объектов исследования, стоящих перед новой отраслью арабистики. Но и этот краткий перечень свидетельствует о том, как богата и как насыщена историческим опытом новейшая история арабских стран. Бесчисленные национально-освободительные и классовые войны, революционные восстания, мощные общественные движения, развитие национальных идеологий — такова одна сторона этой истории. И в то же время исключительный интерес представляет другая ее сторона — наступление империалистов всех видов и типов на арабские страны, борьба между империалистами за экономическое, политическое и культурное порабощение арабских народов. Если брать масштабы прежних эпох, то за последние 50—100 лет арабские страны пережили по интенсивности и богатству своего исторического опыта много веков. И вот этот богатый исторический опыт до сих пор почти не изучен.

А ведь здесь не приходится разыскивать, собирать, каталогизировать, расшифровывать и описывать старинные рукописи — все предварительные этапы работы сопряжены здесь со значительно меньшим трудом, чем в истории средних веков. Исследователи новейшей истории арабских

стран располагают достаточными материалами. Правда, до сих пор важнейшие империалистические и национальные архивы еще закрыты для исследователей. Раскрытие этих архивов в свое время внесет много нового в нашу науку. Но уже сейчас существует ряд доступных нам ценных материалов, к сожалению еще не обработанных нами, или обработанных в очень небольшой степени. Мы не обрабатываем их, во-первых, потому, что у нас очень мало кадров; во-вторых, потому, что эти кадры еще недостаточно организованы, не расставлены правильно, потому что мы не создали еще такой группы арабистов, которая могла бы поднять это большое дело, могла бы разработать эту большую и важную отрасль арабистики. А ведь арабский народ прежде всего хочет знать историю своей национально-освободительной борьбы. И он в праве требовать от объективной исторической науки, чтобы она помогла ему разработать эту историю.

Мне кажется, что в ближайшем будущем Ассоциация арабистов должна, во-первых, обсудить общие задачи новейшей истории арабских стран, определить детально объекты исследования, стоящие перед этой новой отраслью арабистики; во-вторых, разработать возможно более полную библиографию источников; в третьих, подытожить, что делается в этой области на Западе и на Востоке.

Уже сейчас можно сказать, что в этой области арабистики западная наука оставляет нам худшее „наследство“ и количественно и качественно, чем в области средневековой истории арабских стран; что здесь преобладают „ученые“ типа Лоуренса и Фильби—империалистические практики, изучающие новейшую историю арабских стран под углом зрения своих практических интересов. Но даже это „наследство“ при умелом пользовании даст нам некоторые данные.

С другой стороны, на Востоке в этой области наблюдается известное оживление. В частности, надо отметить появление истории арабского национального движения, принадлежащей перу Амина Саида. Эта история, написанная на арабском языке и опубликованная в 1934 г. в Каире, содержит богатейшую документацию по интересующим нас вопросам.

Наконец, Ассоциация арабистов должна поставить новую науку на твердый теоретический фундамент; должна применить к конкретной истории арабских стран метод живого марксизма-ленинизма; должна осветить новейшую историю арабских стран прожектором теории Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Ленинско-сталинская теория национально-колониального вопроса, теория империализма, теория общественно-экономических формаций, теория двух путей капиталистического развития, теория буржуазно-демократической и пролетарской революции—все эти основные разделы марксизма-ленинизма помогут советским арабистам понять сложные и запутанные процессы арабской истории, вскрыть закономерности исторического развития арабских стран и путем научного прогноза осветить будущее арабских народов...

2. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СИРИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Приступая к изучению сирийской революции 1925—1927 гг., мы не имеем возможности пользоваться архивами. Кое-что из архивных материалов опубликовано, но это лишь отдельные случайные публикации, в основном же раскрытие архивов — дело будущего. Не можем мы пользоваться пока также таким ценным источником, как устные показания участников восстания. На данной стадии исследования приходится в основном пользоваться периодической прессой — журналами, газетами, официальными изданиями, а также книжной литературой.

По политическому признаку источники могут быть разбиты на две группы: национальные и империалистические. По формальному признаку источники разбиваются на четыре группы:

1. Документы в узком смысле слова — с одной стороны, национальные документы, воззвания, манифесты, требования, программы, резолюции, законы национального правительства и т. д.; с другой стороны, империалистические документы — всевозможные коммюнике и распоряжения колониальных властей, административные и военные приказы, акты Лиги Наций, протоколы и т. д.

2. Информация прессы, начиная от кратких телеграмм и кончая корреспонденциями статейного типа.

3. Мемуары.

4. Исследования.

Не приходится говорить о том, какого критического отношения требует к себе большинство этих источников, империалистических и реформистских по своему характеру.

Из арабских источников для изучения сирийской революции, помимо многочисленных журнальных статей, которые я не буду перечислять, мне известны две книги Абу-Рашида, вышедшие в Каире в издании Зайдана: *حنا ابو راشد جبل الدروز* (Джебель-Друз, 1925 г.) и его же работа *حوران الدامية* (Окровавленный Хауран, 1926 г.). В 1925 г. в том же Каире вышла книга Карима Сабита *الدروز والثورة السورية وسيرة السلطان باشا الاطرش* (Друзы, сирийская революция и биография Султана Атраша). *كريم ثابت*

Мне не пришлось видеть анонимное издание, выпущенное в 1926 г. арабской типографией в Каире под названием: *الفاجة السورية — آثار جيش الاحتلال الفرنسي و مناظر المدن و القرى المنكوبة فى خلال الثورة السورية 1925—1926* — т. е. „Сирийское бедствие. Следы деятельности французской оккупационной армии и виды городов и селений, пострадавших во время сирийской революции 1925—1926 годов“. Поэтому я не могу сказать, есть ли там текст, имеющий значение, или же это издание содержит только иллюстративные документы. Из других арабских источников надо отметить очерки о сирийской революции, помещенные в июле 1934 г. в газете „*البلاغ*“, а также очерки, напечатанные на французском языке, но

исходящие из национал-реформистских установок, в журнале „La Nation Arabe“, который издается в Женеве Шакибом Арсланом и Ихсаном Джабри.

Наконец, важнейшим источником является уже упоминавшаяся „Арабская революция“ Амина Саида.

Что касается колонизаторской литературы, то прежде всего надо отметить мемуары главнейших виновников, главнейших империалистических деятелей изучаемого периода, во-первых, книгу капитана Carbilliet „Au Djebel Druse, choses vues et vecues. Notes d'un officier de renseignements“, выдержавшую множество изданий, во-вторых, если не мемуары самого верховного комиссара генерала Саррайля (после сирийской революции сам Саррайль ничего не писал), то инспирированную им, написанную на основе его устных мемуаров одним из его близких друзей его апологетическую биографию: Coblentz, „Le silence de Sarrail“ (1930). Эти мемуары, насквозь тенденциозные, насквозь фальшивые, имеют целью оправдать поведение деятелей французского империализма в Сирии в момент революции и накануне ее.

Я опускаю второстепенные мемуары, мемуары деятелей, которые не играли такой выдающейся роли (Royer, Bonardi, La Mazière и др.).

Из империалистических документов надо прежде всего отметить отчеты французского верховного комиссара в Лигу Наций, протоколы мандатной комиссии и Совета Лиги Наций, собрания административных актов верховного комиссариата за изучаемый период. Не приходится оговаривать всю империалистическую тенденциозность этой документации. Различные документы помещены в серии работ Eugène Jung'a (La révolte arabe, 1925; L'islam et l'Asie devant l'impérialisme, 1927; L'islam sous le joug, и др.), которая содержит также информационные материалы. Наконец, документы национального движения помещены в сборнике Kampffmeyer'a „Damaskus“, Dokumente zum Kampf der Araber um ihre Unabhängigkeit (оттиск из журнала „Die Welt des Islams“ за 1926 год).

Из империалистической исследовательской литературы надо отметить прежде всего специальную работу, посвященную сирийской революции, принадлежащую перу американской писательницы MacCallum, „The Nationalist Crusade in Syria“ (1928). Интересные материалы помещены также в следующих исследованиях: Toynbee. Survey of International Affairs. Vol. I—The Islamic World (1927). Polson Newman. The Middle East (1926). Hans Kohn. Geschichte der Nationalbewegung im Orient. Bouron. Les druzes. Histoire du Liban et de la montagne Haouranaise (второе издание вышло в 1930 г.). Отдельные моменты сирийской революции освещены (с прокурорско-полицейской точки зрения) в не лишенной интереса книге F. Ammoun'a „La Syrie criminelle“ (1929). Наконец, надо отметить монографию итальянского фашиста Romolo Tritoni, „L'unità della Siria e l'indivisibilità del suo mandato“ (1934). Эта работа отражает всю глубину франко-итальянских противоречий. Автор, представляющий интересы итальянского империализма,

в достаточной степени резко критикует политику французского империализма в период сирийской революции.

Чтобы не загромождать изложения, я опускаю перечень использованных мною источников, освещающих период, предшествовавший сирийской революции.

3. ПРЕДПОСЫЛКИ СИРИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925—1927 гг.

После мировой войны 1914—1918 гг. Сирия вступила в полосу глубокого политического и хозяйственного кризиса. Страна была опустошена и разорена войной. Голод унес свыше 100 000 человеческих жизней. На улицах городов валялись трупы голодающих, и никто их подолгу не подбирал. Тутовые и оливковые рощи были вырублены. Многие сады и стада погибли. Посевные площади резко сократились. В этих условиях французский империализм захватил истощенную страну, и его господство лишь углубило разруху, лишь привело сирийский народ к небывалой хозяйственной катастрофе.

Внутренний рынок Сирии был резко сужен. С одной стороны, в результате империалистического раздела от Сирии были отрезаны ее южные районы, Палестина и Трансиордания; отделены таможенными барьерами соседние арабские страны (Ирак, Аравия) и турецкие области (Киликия и Восточная Анатолия); изолированы от моря искусственными границами внутренние округа страны — Дамаск, Алепо, Хауран, долина Хамы-Хомса. С другой стороны, сократила свой спрос почти до нуля сирийская деревня, истощенная войной, империалистическим налоговым и валютным грабежом, конфискациями и контрибуциями. Между тем империализм под давлением мирового послевоенного кризиса усилил свой натиск на резко суженный сирийский рынок, вытесняя оттуда национальную буржуазию, укрепляя свои позиции посредством монополий и колониальной таможенной политики. Потеря внешних и внутренних рынков привела сирийскую промышленность к полному краху. Закрылись тысячи мастерских и мануфактур. Остались без работы десятки тысяч рабочих и ремесленников.

Кризис сбыта сочетался с валютным кризисом. Стремясь выкачать золото из страны и закрепить за собой сирийский рынок, империализм перевел денежное обращение с турецкой золотой валюты на базу обесцененного бумажного франка. Валютный грабеж оказался прибыльной операцией для французских банков. Но эта операция дезорганизовала рыночную и кредитную систему страны; ударила по туземной буржуазии; разбила вконец ремесленников и крестьян; привела на край голодной смерти рабочих, резко снизив их реальную зарплату.

Но центральным звеном хозяйственной катастрофы был аграрный кризис. Истощенное и разоренное вконец войной крестьянское хозяйство нуждалось во внешней помощи для того, чтобы поднять свои производительные силы хотя бы на прежний, довоенный уровень. Вместо этого

империализм взвалил на него бремя экономического кризиса, бремя валютного кризиса и еще в большей мере бремя налогов. Бесчисленные налоги, неимоверно выросшие по сравнению с турецким временем, поборы и конфискации на содержание оккупационных войск, контрибуции и реквизиции — в эту бездонную яму уходили почти все результаты труда сирийских феллахов. В то же время крестьянское хозяйство истощалось систематическим применением принудительного труда; при этом особенной ненавистью крестьян пользовалась дорожная повинность.

Хозяйственный кризис, вызванный империалистической оккупацией, возбудил недовольство всех классов арабского общества — не только трудящихся масс, которые в первую очередь и прежде всего испытывали бремя империалистического гнета, но также и национальной буржуазии. Национальная буржуазия не желала и не могла желать империалистического господства. Империалистическое раздробление страны лишало ее старых рынков; империалистический грабёж крестьянства сужало ее внутренний рынок. Никогда еще вопросы национального единства и независимости не были так тесно и открыто связаны для сирийской буржуазии с вопросами рынка, как в этот период. В то же время господство империализма уменьшало долю национальной буржуазии в прибылях от эксплуатации сирийского народа. Национальная буржуазия несла тяжелые потери и от валютной политики империализма и от его концессионной политики (от захвата французским капиталом всех железных дорог, шоссе, портов, пароходств, коммунальных предприятий; от передачи всех общественных работ французским компаниям; от гнета табачной монополии и администрации общественного долга), от конкуренции армянских купцов и ремесленников, поощряемой французскими властями (в течение первых лет оккупации в Сирию въехало 40 000 армян). Наконец, сирийскую буржуазию возмущал колониальный политический режим, который ставил ее в бесправное положение.

По словам английского писателя майора Ньюмена, сирийцы „ненавидели Францию“ за ее низкую валюту; за то, что она уступила часть сирийской территории Турции; за то, что она разделила страну на ряд государств, что мешало торговле; за то, что она присоединила область Бекаа к Ливану; за то, что она монополизировала сирийский государственный аппарат. „Торговля, затрудненная созданием искусственных границ, отделяющих Сирию от Трансиордании, Ирака и Палестины, еще более затруднялась французской политикой раздробления страны“.¹

Юнг в одной из своих книг опубликовал письмо, полученное им в тот период, ярко характеризующее настроения сирийской буржуазии.

„Кризис торговли свирепствует уже два года,— пишет корреспондент Юнга.— Купцы с трудом поддерживают свое состояние. Нет денег. Нет ресурсов. Сирия быстро приближается к гибели. В теч-

¹ Polson Newman, The Middle East, 1926, стр. 155.

ние 10 месяцев 14 000 человек эмигрировали из Бейрута в Америку. Вместо 4000 кип шелка Ливан производит 1400 кип. Посмотрите на табак. Все сирийцы рассчитывали на эту отрасль торговли. Но компания Режи (табачная монополия) не хочет ни о чем слушать. Она запрещает торговлю табаком всем, кроме себя, и мандатная власть поддерживает ее, ибо она (монополия) принадлежит французам“.¹

Аналогичные настроения выражены в официальном документе сирийской буржуазии, в меморандуме, поданном сирийско-ливанской делегацией на генуэзской экономической конференции 1922 г.

„Сирийская торговля с другими частями Оттоманской империи целиком парализована,— гласит этот документ,— вследствие раздела этих стран, создания таможенных границ и барьеров. Все привилегии и льготы, коими пользовался Ливан в нормальное время, уничтожены. Торговля Сирии ограничена одной только страной. Эмиссия банкнот без всяких гарантийных фондов частным банком, именуемым Банком Сирии, и признание их в качестве официальной валюты страны нанесло решительный удар по экономической жизни.

Сирия и Ливан никогда не знали торгового и хозяйственного кризиса, подобного современному. Этот кризис только начинается. С каждым годом население все более нищает, экономическая жизнь все более останавливается. Если так будет продолжаться, то сирийцы и ливанцы неизбежно осуждены на разорение и банкротство“.²

В другой декларации перечисляются причины экономического кризиса:

„Стране угрожает неизбежная экономическая разруха: 1) вследствие резкого и продолжительного с н и ж е н и я э к с п о р т а, который ни в какой мере не покрывается импортом, все более и более растущим в результате ничем не оправдываемого протекционизма; 2) вследствие ф и н а н с о в о г о х а о с а (выпуск бумажных денег, курс которых подвергается постоянным колебаниям, вызвал бегство из страны капиталов особенно золота, нарушил стабильность торговых операций, особенно со странами, где франк не имеет принудительного курса); 3) вследствие полного отсутствия органа, гарантирующего экономическое единство; многочисленных таможенных барьеров внутри государства, не считая таможен, установленных на границах Палестины, Трансиордании, Месопотамии, Турции — что еще более осложнило тяжелое экономическое положение, обостренное мировым кризисом; 4) вследствие режима капитуляций, заставляющего местных налогоплательщиков нести целиком всю тяжесть бюджета, чем пользуются иностранцы, освобожденные от всяких налогов. . . ; 5) вследствие табачной монополии Режи, которая мешает развитию местной табачной культуры; 6) вследствие администрации оттоманского долга, которая накладывает несправедливо тяжелые налоги на туземную продукцию; 7) вследствие концессий, предоставленных иностранным обществам, в которых не участвуют туземцы“.³

¹ Jung, La révolte arabe, vol. II, стр. 159—160.

² Kampffmeyer, Damaskus, 1926, стр. 110—111.

³ Ibid., стр. 112—113.

Недовольство своим бесправным положением также нашло отражение в официальных документах буржуазии.

„При оттоманской империи, — гласит первый из документов, цитированных выше, — сирийцы были оттоманами и пользовались теми же правами, что и турки. Они находили доступ во все отрасли оттоманского управления. В константинопольском парламенте они были представлены собственными депутатами. Число арабских депутатов превышало $\frac{1}{3}$ всего состава палаты. В настоящее время, они (сирийцы) рассматриваются как туземцы из африканской колонии, опекаемые иностранной державой“.¹

„Наш сирийский народ на краю терпения, — говорится в другой декларации. — У нас нет ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы собраний... Суд и законная власть в руках оккупантов. Местная администрация, образованная из людей, купленных оккупантами, есть только инструмент для исполнения их воли. Денежное обращение, навязанное силой, и злоупотребления, связанные с экспортом золота, истощают страну и ведут ее к разрухе“.²

Но если национальная буржуазия оказалась в бесправном положении — тем тяжелее был гнет, испытываемый рабочим классом, крестьянством, мелкой городской буржуазией и интеллигенцией.

Сохранение феодального гнета и земельного голода, рост старых налогов, новые поборы и конфискации на содержание оккупационных армий; ужасы принудительного труда, новая волна земельных экспроприаций в пользу иностранных компаний, произвол иностранных чиновников, небывалое углубление хозяйственной разрухи и аграрного кризиса — вот что несло сирийским феллахам господство французского империализма. Рабочему классу империализм нес голод, нищету и безработицу. Катастрофическая гибель мелкой промышленности, кризис торговли, валютный кризис, новые налоги — все это било по мелкой буржуазии городов. Трудящиеся массы испытывали на себе последствия валютного грабежа и еще в большей мере, чем буржуазия, колониальное бесправие, политический гнет империализма. Общее недовольство почти всех классов сирийского общества привело к созданию единого национального фронта против империалистических оккупантов. В состав фронта входили не только рабочий класс и крестьянство, но также мелкая буржуазия, интеллигенция, крупная национальная буржуазия и отдельные феодалы. Вне этого фронта в империалистических рядах оставалась только кучка феодально-бюрократической знати и компрадоров. Каждый класс участвовал в едином национальном фронте со своих позиций, которые будут разобраны ниже.

¹ Ibid., стр. 111.

² Jung, op. cit., стр. 157—158.

4. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Бои за сирийскую независимость вспыхнули стихийно на другой же день после занятия Сирии английской армией (сентябрь—ноябрь 1918 г.).

В июне 1919 г. в Дамаске собрался Сиро-палестинский национальный конгресс. В основу программы конгресса были положены требования национальной независимости и единства: полная политическая независимость Сирии, включая Палестину и Трансиорданию, — без протектората и опеки; независимость Месопотамии и таможенный союз с нею. Но конгресс не смог провести последовательно до конца эту линию: „категорически протестуя“ против политики империалистических мандатов, конгресс в той же программе пошел на компромисс с империализмом. „В крайнем случае“ он согласился принять мандат, обусловив эту капитуляцию тремя оговорками: 1) срок мандата не превышает 20 лет; 2) мандат рассматривается только „как экономическая и техническая помощь, не наносящая вреда политической независимости“, 3) мандат передается только „незаинтересованной державе“ — США, на худой конец Англии, но ни в коем случае не Франции.¹

Однако эти оговорки не помогли. Пока сирийские националисты вели переговоры с „незаинтересованными“ державами, английские войска, по решению верховного совета Антанты, очистили страну, и французская армия генерала Гуро высадилась в Ливане (ноябрь 1919 г.).

Наступление французской армии вызвало революционное сопротивление всего сирийского народа. Повсюду создавались партизанские отряды, мешавшие французскому продвижению в глубь страны. Конгресс и национальное правительство, заседавшие в Дамаске, создали национальную армию. Колониальная война, начатая Францией, переросла в национально-освободительную революционную войну сирийского народа против оккупантов.

Опуская детальное описание фактов этой первой национально-освободительной войны против оккупантов, надо отметить, что она явилась репетицией революции 1925—1927 гг., что она подготовила почву для этой революции. Но национальная война 1919—1920 гг. закончилась поражением правительства Фейсала и Шахбандара,² которое вопреки борьбе масс, героически защищавших сирийскую территорию, сдавало генералу Гуро один за другим важнейшие центры страны и, наконец, сорвало революционную оборону Дамаска. 15 июля 1920 г. французские

¹ Манифест конгресса опубликован в книге Jung'a, *La révolte arabe*, vol. II, 1925, стр. 123—125. См. также Kohn, *A History of Nationalism in the East*, стр. 288—289.

² Сын мекканского шерифа Фейсал эль-Хашими, командовавший во время войны бедуинскими отрядами полковника Лоуренса, был, по инициативе Национального конгресса, провозглашен 8 марта 1920 г. королем Сирии. Доктор Шахбандар — крупный буржуазный националист — возглавлял национальный кабинет, созданный в 1919 г. в Дамаске.

войска вошли в столицу. Король Фейсал получил приказ покинуть страну в 24 часа. Национальное правительство было разогнано. Военный суд генерала Гуро приступил к расправе с революционными массами.

Поражение под Дамаском не могло прекратить национально-освободительную борьбу сирийского народа. Она продолжалась. Франция была вынуждена увеличить оккупационную армию до 70 000 человек и сохранить этот чрезвычайный контингент до середины 1922 г. „Многочисленные арабские банды (т. е. партизанские отряды. В. Л.), — повествует Юнг, — продолжали поддерживать острое возбуждение по всей стране“.¹ На территории Алауитов партизанские отряды шейха Салиха ибн-Али сражались против оккупантов в течение двух лет (1919—1921 гг.). В Северной Сирии — под Алепо и в долине Оронта — продолжали действовать партизанские отряды Ибрагима Ханану. В 1922 г. вспыхнуло восстание друзских крестьян под руководством Султана Атраша и хауранских крестьян под руководством шейха Исмаила Харира. Началось племенное восстание бе-дуинов на Евфрате. Прокатилась волна антиимпериалистических боев по крупным городам Сирии (Дамаск, Хомс).

Эти восстания, не изученные до сих пор, рассматривались оккупантами как арьергардные бои революционной войны 1919—1920 гг. Когда в 1922 г. империалисты расправились с друзами и хауранцами, им казалось, что сирийская революция разгромлена окончательно. Но историческая действительность опровергла их расчеты. Экономический и политический кризис, вызвавший первую революционную войну, не только продолжал свирепствовать, но углубился. Все вопросы, все противоречия, поставленные и не разрешенные революционными событиями 1919—1920 гг., продолжали существовать, обостряясь изо дня в день. Революционная борьба сирийского народа с оккупантами продолжалась. В 1924 г. вспыхнули крестьянские восстания в области Бекаа (во главе с Мельхемом Касимом) и в области Джебель Друз (во главе с Султаном Атрашем). В 1925 г. началась новая общенациональная революционная война, достигшая несравненно большего размаха, чем первая. Началась великая сирийская революция, выдвинувшая Сирию на одно из авангардных мест на фронте международной колониальной революции. Таким образом „арьергардные“ бои первой революционной войны сомкнулись с авангардными боями второй революционной войны, подготовили почву для нового мощного революционного подъема.

5. ВОССТАНИЕ В ДЖЕБЕЛЬ ДРУЗЕ

Очагом сирийской революции была горная область Джебель Друз. Друзские крестьяне, поднимавшие не один раз знамя восстания против своих национальных и социальных угнетателей, оказались и на

¹ Jung, op. cit., стр. 151.

этот раз в авангарде революционного движения. Крестьянство было основной движущей силой друзского восстания. Феодалы же в своей значительной части находились в лагере империалистической реакции, активно подерживая карательные отряды.

Апологеты империализма в своем стремлении оклеветать освободительное движение друзов создали миф о его феодальном характере. Если верить губернатору восставшей области капитану Карбийе, против которого прежде всего был направлен гнев масс, то он, Карбийе, выступал как освободитель друзского крестьянства от феодальных пут. „Я защищал 60 000 друзов от двадцати феодалов“, — восклицает он в своих мемуарах.¹ По словам известного французского писателя Альбера Лондра, Карбийе помешал феодалам проводить бесконечные переделы земли, при которых „князьям достаются лучшие земли, а черни — булыжник“.² Он искоренял средневековье, насаждал школы и музеи, обучал детей французскому языку, строил автомобильные дороги и каналы. Его предшественник подкупал друзских феодалов, раздавая им ежемесячно 60 000 франков. Карбийе снизил эту субсидию до 4000 франков в год. Он заставлял феодалов работать на строительстве дорог и подвергал их телесным наказаниям. „Феодалы жадны, — декламирует сам Карбийе, — они эксплуатируют своих крестьян, присваивают земли, расчищенные последними, и преследуют только одну цель: накопить побольше наполеондоров в своих тенеке“.³ И вот недовольные „просзещенным абсолютизмом“ французского проконсула, мечтающие о возврате к средневековью вожди Джебель Друза подняли на защиту своих феодальных прав дружины подневольных закрепощенных сервов, которые против своей воли пошли сражаться с „благодетелями“ крестьянства — французами. Так выглядит друзское восстание в империалистических писаниях.

Но в действительности именно Карбийе опирался на самые реакционные, средневековые слои друзского общества. В действительности именно Карбийе был в тесной дружбе с друзскими клерикалами и феодалами. Напротив, гнет, испытываемый крестьянами, усилился при господстве Карбийе во много раз.

Карбийе душил друзских крестьян непосильными поборами и барщиной. Создавая в Джебель Друзе крупную стратегическую базу, французский империализм действительно опоясал область сетью автомобильных дорог. Но для прокладки этих дорог через скалы Джебеля крестьяне подвергались ужасам барщины, перед которыми бледнеет гнет друзских феодалов. Чтобы бороться с национально-освободительным движением, Карбийе разослал по друзским деревням под видом школьных учителей

¹ Capitaine Carbillet, Au Djebel Druse, 7 éd., 1929, стр. 22.

² Ibid., стр. 18.

³ Ibid., стр. 77—78. Наполеондорами в Джебель Друзе называются все золотые монеты, кроме турецких; тенеке — бидоны из-под керосина, в которых друзские феодалы, по словам Карбийе, хранят свою наличность.

своих шпионов. Маска учителя никого не обманывала. Но огромные поборы на содержание этих шпионов возбуждали недовольство крестьян. Карбийе дал „учителям“ право пороть и штрафовать крестьян, „учителя“ широко пользовались этим правом. К тому же школы были открыты только для детей феодалов и кулацкой верхушки, из которых готовились верные слуги империализма. Поборы на „просветительные“ затеи капитана Карбийе и принудительный труд превышали все ужасы турецкого налогового гнета. „Друзские крестьяне, освобожденные (?) от ига оттоманского десятинного налога, — пишет американская исследовательница Мак Коллэм, — чувствовали, что теперь иго было больше, чем в прошлом“.¹

К этому надо добавить многочисленные колониальные издевательства „просветителей“: незаконные аресты, пытки, порки — все это было обычным явлением. Когда в Суэиде у французского офицера пропала кошка, Карбийе наложил контрибуцию на все население столицы.

Поборы, барщина и колониальные издевательства — вот основные причины друзских восстаний 1920, 1922, 1924 и 1925 гг.

Империалисты подчеркивают, что во главе движения стояли крупнейшие феодалы. Действительно, такие вожди восстания, как Султан Атраш,² Зейд Атраш, Хамди-Дервиш и др., были феодалами. Действительно, они не стремились к ликвидации феодального строя, не могли и не хотели возглавить аграрную революцию. Действительно, их вражда к империализму вытекала прежде всего из противоречий между иностранными и туземными эксплуататорами.

Но эти противоречия не помешали подавляющему большинству друзских феодалов предать национальную революцию на первом же ее этапе. Многие из них с первого же дня революции шли против нее вместе с оккупантами. Напротив, вождь друзского восстания Султан Атраш остался до последнего момента бесстрашным национальным революционером, непоколебимым врагом империализма.

Когда впоследствии национальная буржуазия предала революцию, когда феодальные вожди один за другим уходили из революционного стана, несли повинную империалистическому сатрапу и взамен получали от него назад свои вотчины; когда под напором французских танков, самолетов и митральез силы революции таяли, — в это тяжелое время Султан Атраш продолжал сражаться. Разгромленный вконец, он не сдался, не каляся, не просил у оккупантов вернуть назад свои деревни, но бежал с горсткой партизан в пустыню, обещая вернуться на родину в час новой революции. Героическая судьба Атраша расходится с судьбой его класса. В отличие от феодального класса Атраш вырос с национальной революцией, крестьянской по своему составу, а не предал ее. Его феодальное происхождение, его феодальные взгляды и психика не помешали ему

¹ MacCallum, *The Nationalist Crusade in Syria*, New York, 1928, стр. 113.

² Султан — в данном случае не титул, но собственное имя.

стать национально-революционным вождем. Вот почему его руководство не может быть названо феодальным.

В настоящее время, находясь в эмиграции, Султан Атраш не играет активной роли в движении. Но революционный подъем может вернуть его на сирийскую арену. Трудно сказать, какую роль ему предстоит сыграть тогда. Во всяком случае, до конца своей активной политической деятельности, т. е. до конца сирийской революции 1925—1927 гг., Султан Атраш продолжал оставаться национальным революционером, выросшим на почве национально-освободительного крестьянского движения.

Национальная буржуазия руководила революционно-освободительной войной 1919—1921 гг. Ее политика привела к срыву обороны Дамаска. Но после разгрома революции 1919—1921 гг. национальная буржуазия продолжала стоять на антиимпериалистических позициях. На этот путь ее толкнули давление масс, хозяйственная катастрофа, углубление кризисных процессов.

В этой борьбе против империализма между 1920 и 1925 годом национальная буржуазия применяла преимущественно тактику петиций, которыми она наводняла Лигу Наций. Однако, по мере того, как назревала массовая революция, национальная буржуазия изменяла тактику. Незадолго до начала революции 1925 г. в Дамаске была создана новая партия национальной буржуазии Хизб-уш-Шааб („Партия народа“), во главе которой стал доктор Шахбандар, бывший президент национального правительства. Эта партия поставила своей задачей обеспечить буржуазное руководство в назревающей революции.

Не прошло и месяца после начала друзского восстания, как группа вождей Шааба во главе с Шахбандаром образовала вместе с Султаном Атрашем „временное революционное правительство независимой Сирии“. Это правительство определило на значительный период времени не только идеологию и программу движения, но также его военную стратегию и тактику.

Таким образом, национальное восстание в Джебель Друзе шло, начиная с августа 1925 г., под буржуазным руководством, в котором участвовали отдельные национально-революционные элементы, вышедшие из феодального класса, вступившие в союз с буржуазией. Друзские феодалы в большей своей части были против восстания. В дальнейшем ходе революции буржуазное руководство капитулировало перед империализмом. Сирийский же пролетариат в то время не вырос и не окреп настолько, чтобы взять руководство в свои руки. Это соотношение сил в значительной мере определило исход революции.

В июле 1925 г. делегация друзов потребовала у французского верховного комиссара Саррайля отставки губернатора Карбийе. Саррайль бросил делегатов в тюрьму.

В ответ на это 500 друзских крестьян во главе с Султаном Атрашем заняли 20 июля городок Салхад, сожгли правительственное здание, уничто-

жили архивы полиции и контрразведки. При захвате Салхада партизанам Атраша пришлось выдержать сражение с местными феодальными семьями — Азамов, Шумари и Джармаками, стоявшими на стороне оккупантов.

Из Салхада партизаны двинулись на север к Каферу. По дороге к ним присоединились повстанцы из всех соседних деревень. В течение одного только дня отряд удвоил свои ряды. В Кафере местный феодал Ассад Мершейд осведомил французского коменданта о продвижении партизан. Французы успели подготовиться к обороне. Произошло жестокое сражение. Из 1000 партизан 120 было убито. Сам Султан Атраш был ранен в ногу. Но Кафер был взят в тот же день (21 июля).

На следующее утро растущая, как снежный ком, масса партизан двинулась дальше на север к Канауату. Это селение было вотчиной столпов средневекового мракобесия, друзских религиозных вождей, выступавших целиком на стороне колониальных властей. Только за четыре дня до начала восстания эта группа церковных феодалов послала верноподданническую телеграмму верховному комиссару Саррайлю. По поручению французских властей клерикалы выполняли роль лазутчиков в стане друзов. „Следуйте за каждой нацией, более сильной чем ваша“ — этот рабский завет друзской религии был лейтмотивом их проповеди. Но никакая религиозная проповедь не могла остановить революционный вихрь. На следующий же день (22 июля) Канауат был взят. И отсюда штаб восстания начал готовить наступление на столицу Джебеля — Суэйду.

Спустя шесть дней повстанцы заняли Суэйду, загнали французский гарнизон в крепость и осадили его.

Еще спустя четыре дня кучка повстанцев разгромила карательную экспедицию полковника Мишо, состоявшую из 3—4 тысяч солдат. Сам Мишо бежал. Повстанцы захватили сотни пленных, 12 пулеметов, батарею горной артиллерии, 2000 винтовок, продовольствие и амуницию.

Французский империализм ответил на новую победу партизан воздушными бомбардировками, разрушением многих друзских деревень. Но бомбардировки только увеличивали число повстанцев. Восстание быстро росло. Оно охватило весь Джебель Друз.

Против растущего национально-революционного движения французский империализм попытался пустить в ход свою феодальную опору. На севере Джебеля это была династия Амеров; на юге — церковные феодалы и многие члены господствующей династии Атрашей. Селим Атраш (умерший еще до начала восстания), Фарес Атраш и его сыновья, а также Хусейн, Несиб, Хамад и Абдул-Гафар Атраши — все они прямо или косвенно стали на сторону французского империализма.

После разгрома экспедиции Мишо французские империалисты созвали эту свою феодальную гвардию на съезд в селение Аэре. Здесь присутствовали три Атраша, Хунейде, Амеры, Халаби, Нассары. Они выступили перед массой повстанцев с проповедью мира. Но „толпа

освистала их и грозила им смертью“.¹ Расправа с Хусейном Атрашем была еще крепче: повстанцы сожгли его дом и захватили его стада.²

Так на первом же своем этапе национальное крестьянское восстание в Джебель Друзе направило свое острие не только против империализма, но также против его феодальных союзников.

6. БОРЬБА ЗА ДАМАСК. ПОДЪЕМ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

После разгрома экспедиции Мишо французский империализм сформировал новую карательную экспедицию, возглавленную генералом Гамеленом. В ее состав входили 6500 человек, преимущественно цветных колониальных солдат (сенегальцев, алжирцев, мадагаскарцев), а также иностранных легионеров.³

Экспедиция Гамелена, оснащенная танками, броневиками, самолетами, артиллерией и всеми современными средствами борьбы, укрепилась на линии Хиджаской железной дороги (к югу от Дамаска) в пунктах Дераа, Газзали, Эзраа и Мусейфер. На этой укрепленной линии ей удалось отразить друзскую атаку (16 сентября) и даже совершить оттуда рейд в глубь Джебеля. Во время рейда отряд Гамелена захватил столицу области — Суэйду и вывел из крепости осажденный там друзами французский гарнизон (24 сентября 1925 г.). Но этот рейд не принес ожидаемых результатов: Гамелен сжег десятки друзских деревень, удержать же Суэйду и территорию Джебеля он не смог. Тем более он не смог подавить движение друзов. Его войска отступили вновь на укрепленную линию железной дороги, где им пришлось отсиживаться в течение всей зимы, отражая атаки повстанцев и совершая от времени до времени новые бесполезные рейды. Кроме сожженных деревень эти рейды имели только один результат. Они ускорили предательство тех немногих феодалов, которые шли вначале вместе с революцией. „В результате этих операций, — пишет Бурон, — несколько колеблющихся вождей, присоединившихся против своей воли к Атрашу, перешли на нашу (т. е. империалистическую. В. Л.) сторону. Но друзская масса не хотела раскаиваться“.⁴

Если друзские феодалы спешили переметнуться в лагерь империализма, чтобы вместе с ним сражаться против друзских крестьян, то с ирийские феллахи и бедуины поспешили выступить против империализма вместе с друзскими крестьянами.

Уже первые вести о друзских победах подняли всю страну. Повсюду между Дамаском и Алепо феллахи и бедуины создавали свои

¹ Bouron, Les друзes. Histoire du Liban et de la montagne Haouranaise, 2 éd., 1930, стр. 245.

² Ibid., стр. 230.

³ Всего в Сирию для борьбы с революцией было брошено около 80 000 человек.

⁴ Bouron, op. cit., стр. 248.

партизанские отряды и начинали борьбу. Неурожай 1925 г. был последней каплей, переполнившей чашу их терпения. „Недовольные элементы росли в результате экономической катастрофы, вызванной почти полной гибелью урожаев“, — пишет Мак Коллэм.¹

„Всеобщее недовольство было обострено исключительно плохим урожаем. Горожане страдали от финансовых трудностей. Бедуины испытывали физические страдания. И те и другие проклинали французов“, — отмечает майор Ньюмен.²

Таким образом, в отличие от предшествующих друзских восстаний, восстание 1925 г. быстро переросло локальные рамки, охватило другие районы страны и превратилось в общенациональную сирийскую революцию.

Важными центрами крестьянского движения были округа Алепо и Хамы — Хомса. Партизанская борьба началась здесь еще в августе. В начале октября в округе Хама вспыхнуло большое крестьянское восстание под руководством буржуазных националистов. Восставшие крестьяне прервали все средства сообщения и захватили город (3 октября). Французская карательная экспедиция, вооруженная танками и самолетами, уничтожила свыше 200 повстанцев. Ей удалось отвоевать город, но партизанское движение в округе продолжало расти.

Спустя несколько дней (7 октября), 500 вооруженных бедуинов подошли к Алепо. „В городе находился французский гарнизон, — пишет Мак Коллэм. — Но за городом бандитизм рос в ужасающих размерах и вскоре превратился в партизанскую войну, охватившую всю область между Алепо и Хамой“.³

Но важнейшим географическим центром войны был Д а м а с к. Важнейшей стратегической задачей на первом этапе революции было овладение Д а м а с к о м.

Дамаск — столица страны, резиденция сирийского правительства⁴ и в то же время многовековой центр исторических плебейских восстаний, центр первой сирийской национальной войны, город с великими национально-освободительными традициями — оставался в руках империалистов. Между тем, его стратегическое значение было исключительно велико. Оно определялось не только историческим, географическим и административным положением Дамаска, но прежде всего его социально-экономическими условиями. Это был крупный центр массового движения — центр, в котором наиболее тесно соприкасались между собой массы рабочих, ремесленников, крестьян и кочевников. В самом городе была сосредоточена значительная кустарная промышленность, занимавшая десятки тысяч рабо-

¹ MacCallum, op. cit., стр. 128.

² Newman, The Middle East, стр. 157.

³ MacCallum, op. cit., стр. 129.

⁴ Французский верховный комиссар и его аппарат находились в Бейруте.

чих и ремесленников. Вокруг него в оазисе Гута находился большой крестьянский район — район товарного садоводства. В соседней степи кочевали тысячи бедуинов, регулярно посещавших Дамаск в дни бедуинских ярмарок и базаров.

Захват Дамаска был намечен национальной партией Шааб на конец августа. План операции строился на совместных действиях трудящихся Дамаска и Гуты (оазис под Дамаском) с революционными друзьями. По плану восстание внутри города и в оазисе подкреплялось внешним наступлением дружеских отрядов на Дамаск. Подготавливая эту операцию, национальная партия Шааб созвала в Шаабе повстанческий съезд.

„Отступить поздно, — говорили вожди Шааба друзьям на этом съезде. — Оставаться в изоляции вам нельзя. Двигайтесь к Дамаску. Мы поддержим вас восстанием. Ворота Дамаска откроются перед Султаном Атрашем“.¹

Друзы двинулись к Дамаску. Но ворота города не открылись перед ними. Их наступление не было поддержано восстанием внутри города, но, напротив, отражено французской артиллерией и самолетами (1 сентября). Трудно сказать, почему восстание в Дамаске не началось в условленный срок.² Однако, подготовка к этому восстанию не прекращалась. В течение сентября и первой половины октября в садах Гуты (под Дамаском)³ формировались партизанские отряды. Сотни жителей Дамаска покидали город и примыкали к ним.

Пытаясь подавить растущее в оазисе движение, оккупанты сжигали одну за другой деревни Гуты и казнили крестьян. Но поджоги и казни лишь раздували пламя революции. Бездомные крестьяне присоединялись к партизанским отрядам.

В середине октября оккупанты убили в Гуте около 15—20 партизан. Они взвалили их трупы на верблюдов и пустили караван смерти по улицам Дамаска. „Тела убитых качались в такт с поступью верблюдов“, — описывает это зрелище корреспондент „Times“. После того как парад трупов прошел по улицам, тела были выставлены на главной площади. Среди убитых были жители Дамаска, и население узнало их.

Караван смерти послужил сигналом к восстанию. Спустя три дня у восточных ворот города (Баб-уш-Шарки) были найдены тела 12 убитых черкесов, состоявших на французской службе. В ночь на 17 октября были обстреляны французские войска. 18 октября утром в Дамаск вошли три партизанских отряда, составленные из жителей

¹ Bouron, Les друзы, стр. 245.

² По версии Мак Коллэм, Султан Атраш добровольно отказался войти в Дамаск по просьбе местных нотаблей, „не желавших нарушать мир“.

³ Сады составили продовольственную базу для партизанских отрядов. „Эти бандиты(?) поедали собственность богатых садовладельцев“, — в ужасе восклицает американская мещанка Мак Коллэм.

Дамаска, бежавших в Гуту, крестьян оазиса и друзов.¹ Во главе отрядов стояли Несиб Бакри, Хасан Карат и Хамед Халаки. Разоружая на своем пути жандармов, эти отряды дошли до резиденции французского губернатора. Не найдя губернатора, они сожгли его дворец.² Затем они осадили французский генеральный штаб и держали осаду, несмотря на бомбардировку в течение двух суток.

Население Дамаска поддержало партизан. Рабочие, ремесленники, учащиеся разоружали солдат и полицейских, захватывали винтовки, строили баррикады, примыкали к партизанским отрядам. „Население присоединилось к бандам, — отмечало официальное сообщение от 20 октября, — но вмешательство танков, принесшее значительные результаты, кажется успокоило горячность повстанцев“. Это циничное признание не вполне отвечало истине. Действительно, против восставшего населения были пущены в ход танки. Действительно, они „принесли значительные результаты“ в том смысле, что расстреляли сотни людей. „18 октября по улицам города непрерывно сновали французские танки, стреляя во все стороны“ — об этом свидетельствует специальный корреспондент „Times'a“. Но деятельность палачей не могла сломить решимости повстанцев. „Толпа воорудила баррикады в тылу у танков, — продолжает тот же корреспондент, — и при возвращении танки были обстреляны. Многие танкисты были ранены“.³

К вечеру 18 октября французы начали бомбардировку Дамаска. Это был непревзойденный до сих пор рекорд капиталистического варварства. В течение двух суток тяжелая артиллерия, бомбовозы и пулеметы обстреливали великий исторический город, уничтожая тысячи людей (в том числе детей и женщин), разрушая целые кварталы, дворцы, памятники искусства.

Бомбардировка Дамаска сохранила город в руках французского гарнизона. „Но она не могла запугать повстанцев, к которым примкнули жители сгоревшего Майдана (кварталы бедноты)“.⁴

* * *

Зимой 1925/26 г. незатихавшая партизанская война охватила всю территорию Сирии. Она велась по крайней мере на четырех фронтах. На севере Алепо и Хомс были окружены тесным кольцом партизанских отрядов. На востоке, в Гуте, партизанские отряды, скрываясь в садах, осаждали Дамаск. На юге Джебель Друз продолжал

¹ О численности этих отрядов даются самые разноречивые показания: от 60 до 800 человек и выше.

² По другой, более правдоподобной, версии этот дворец был уничтожен французской артиллерией.

³ „Times“, 27 X 1925 г.

⁴ MacCallum, op. cit., стр. 138.

оставаться в руках революционного правительства. Отряд генерала Гамелена, расположенный на укрепленной линии Хиджазской железной дороги, с трудом защищал от повстанцев свои оборонительные позиции. В то же время отряды друзов перешли на запад, в Южный Ливан, угрожая отсюда цитадели французского господства — Бейруту.

„Французские военные власти не могли справиться с положением, которое стало целиком вне их контроля, — пишет Ньюмен. — К началу ноября вся территория между Дамаском и Алепо фактически была в руках повстанческих банд (т. е. партизанских отрядов. В. Л.)“.¹

„Французам удалось удержаться только в больших городах, — пишет об этом периоде немецкий историк Ганс Кон, — и даже эти города подвергались частым и смелым налетам повстанцев. Небольшие городки и деревни целиком были в руках повстанцев, бандитов (т. е. партизан. В. Л.) и бедуинских племен“.²

Под Алепо действовали партизанские отряды Ибрагима Ханану. В начале января французские войска расстреляли из пулеметов и броневиков национальную демонстрацию в городе.

В Дамаске в течение всей зимы повстанцы Гуты свободно ходили по городу. Каждый день они нападали на французские патрули. Они приходили целыми отрядами на сборы в мечеть Омайядов. Они фактически владели Майданом — кварталом бедноты, которая поддерживала их. На улицах города и в оазисе ежедневно происходили стычки. В начале декабря в Дамаске произошло новое крупное сражение: на стороне повстанцев участвовало 500 человек, на стороне французов 800 человек. В феврале 1926 г. французский главнокомандующий генерал Андре спровоцировал погром Майдана. В апреле—мае 1926 г. он провел вторую бомбардировку Майдана, не уступавшую по жестокости октябрьской. Но напуганная размахом сирийской революции буржуазная пресса на этот раз предпочла обойти молчанием новый „подвиг“ цивилизаторов.

В Ливане партизанские отряды друзов во главе с Зейдом Ат-рашем заняли округа Хасбайя, Каукаба, Джедейда и подошли на 30 км к морю. После длительных боев в декабре 1925 г. они были отброшены на линию Меджель-уш-Шамса и укрепились здесь.

7. ПОДАВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

В течение зимы 1925/26 г. французский империализм занимал оборонительные позиции. Весной и летом 1926 г. он попытался развернуть наступление, но натолкнулся на упорное сопротивление партизан. Лишь

¹ Newman, op. cit., стр. 184.

² Kohn, The Nationalism and Imperialism in the Hither East, стр. 194.

в результате двух лет борьбы, к осени 1927 г., сирийская революция была побеждена.

На севере, в районе Алепо, империалистам удалось, комбинируя бомбардировки и репрессии с подкупами, перетянуть на свою сторону племенных феодальных шейхов. В районе Хомса они купили вождя партизанских отрядов феодала Рамадана Шаллаша. Но эти подкупы не могли подорвать массового партизанского движения. Вместо предателя Шаллаша руководство партизанской войной перешло к Фаузи Каукаджи. Набеги продолжались до весны 1927 г. Лишь тогда был „замирен“ округ Алепо. Округа же Хомса и Хамы вели непримиримую борьбу с империализмом до конца восстания.

В Джебель Друзе французские империалисты после тяжелой воздушной и артиллерийской бомбардировки заняли Суэйду (26 апреля 1926 г.). Спустя два месяца им удалось захватить Салхад. В течение всего лета велась воздушная бомбардировка друзских деревень. Но лишь некоторые деревни сдались. Большинство повстанцев продолжало вести борьбу. Оккупанты пытались мобилизовать против друзов хауранских крестьян. Хауранцы примкнули к друзам.

В августе — октябре 1926 г. в Хауране и Джебель Друзе прошла новая волна боев. Она закончилась поражением повстанцев. Но восстание не было разбито окончательно. Большой партизанский отряд (400 человек) ушел в пустынную, неприступную местность Ал-Леджа. В течение четырех месяцев, испытывая голод, холод, находясь под постоянным артиллерийским огнем, подвергаясь воздушным бомбардировкам, этот отряд не сдавался.

Весной 1927 г. он перешел в новое наступление вместе с другими друзскими отрядами Султана Атраша. Но это были арьергардные бои. Они продолжались до июня 1927 г., когда крестьяне разошлись по деревням, а Султан Атраш вместе с группой партизанских вождей покинул страну.

В Гуте (под Дамаском) французский империализм перешел в наступление в апреле 1926 г. 23 апреля колониальные власти объявили вождям партизан, что через пять дней все деревни, в которых скрываются повстанцы, будут сожжены без предупреждения. Началась бомбардировка деревень. В ход были пущены артиллерия и авиация. Партизаны Гуты оказали сопротивление французам: южная группа партизан разбила на голову один из французских отрядов и загнала его обратно в Дамаск. Северная группа партизан в течение трех дней сдерживала напор французской колонны.

Но натиск империалистов был слишком велик, и французам удалось оккупировать сады и деревни Гуты. Карательная экспедиция¹ сжигала

¹ В ее состав входили 6 броневиков, 22 танка, 5 тяжелых самолетов, 2 батареи и 8500 штыков.

амбары с хлебом, уничтожала многие деревни целиком. Вот что рассказывает Мак Коллэм об этой экспедиции.

„Почти в каждой деревне французы собирали представителей населения и казнили их без формальностей. Они убили свыше 1500 человек, причем среди убитых крестьян свыше трех четвертей не участвовало в сражениях. Из пленников только 300—400 человек были перевезены в город“.¹

В результате этой экспедиции партизанское движение в Гуте только выросло. Тысячи крестьян бежали из оккупированных французами деревень, присоединяясь к партизанским отрядам.

Спустя три месяца, в июле 1926 г., партизаны напали на французские посты, расположенные в садах. Вновь начался напряженный бой. Французы закрыли на десять дней воду для деревень. Повстанцы закрыли источники питьевой воды для города. После подавления этой вспышки французские карательные отряды ходили по деревням Гуты под прикрытием танков и броневиков, партизаны атаковали их с тыла.

В конце августа „французы установили сильные посты в некоторых деревнях Гуты, но повстанческие отряды продолжали действовать в садах и атаковать поезда“. К этому времени в Гуту из Джебель Друза были посланы новые отряды повстанцев. Они разгромили отряд французских войск под Кисвой и захватили поезд с припасами под Думой. 24 августа 1926 г. повстанцы возобновили атаку Дамаска и проникли в город. Тогда французы начали третью бомбардировку Дамаска. Несколько дней повстанцы скрывались в одном из кварталов города. 30 августа французы провели облаву, но им удалось поймать только 20 пленников.

В течение всей зимы 1926/27 г. продолжалась партизанская война в Гуте. Французская артиллерия и самолеты продолжали обстреливать район.

Из Южного Ливана друзские партизаны были окончательно вытеснены только в августе 1926 г. В течение всего лета они держали в своих руках округ Рашайя — Вади-Аджам — Вади-Там — Меджель-Шамс. В то же время развернулась партизанская война в других частях Ливана. В Бекаа крестьяне-повстанцы заняли окружной город Баальбек, сожгли правительственное здание, почту и телеграф. Под Тарабулусом (или Триполи) партизанские отряды атаковали железную дорогу. В Бекаа партизанская борьба продолжалась до осени.

Так в течение двух лет сирийский народ в упорной партизанской войне героически отстаивал свою свободу от французских империалистических завоевателей.

¹ MacCallum, *op. cit.*, стр. 156.

8. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СИРИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1926—1927 гг. ТАКТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ

Революция 1925—1927 гг. носила национальный характер. Революционная масса еще не выдвигала широких аграрных задач. Как отмечалось выше, единый национальный фронт революции состоял из крестьянства, боевыми организациями которого были партизанские отряды, но которое еще не имело своих массовых политических организаций; из рабочего класса, который уже имел в зачаточном виде компартию, но еще не был организован и охвачен ею; из революционной мелкой городской буржуазии и интеллигенции; из крупной национальной буржуазии, образовавшей партию Шааб и временное правительство. К этому единому фронту примкнули отдельные феодалы типа Султана Атраша.

Основной движущей силой сирийской революции 1925—1927 гг. было крестьянство. Феллахи и бедуины (кочевники) составляли основную массу партизанских отрядов.

„Восстание носит ярко выраженный крестьянский характер, — писал т. Шами в то время. — При занятии повстанцами какой-либо местности, крестьяне чуть ли не поголовно примыкали к повстанцам. В Хаурани и Гуте целые семьи, включая и женщин, брались за оружие. При подавлении же французами повстанческих сил крестьяне возвращаются к своему хозяйству, но симпатии их попрежнему остаются на стороне повстанцев... Восстание знало не только периоды успехов и поражений, — делает отсюда вывод Шами, — но и периоды прилива и отлива живой человеческой силы“¹.

Надо сказать, что эти периоды обычно совпадали между собой. Под давлением голода многие партизаны прекращали на время борьбу и шли обрабатывать поля. Это обстоятельство учитывалось французским командованием. Главные наступательные и карательные операции французов не случайно были приурочены к сезону полевых работ. Лишь в районах садоводства, где продовольственная проблема не стояла так остро, партизанская борьба продолжалась круглый год.

Крестьянство действовало не изолированно, но в союзе с трудящимися города, прежде всего с рабочими. Рабочий класс Сирии принимал непосредственное участие в дамаском восстании, в партизанской войне. В то же время он поддержал национальную борьбу рядом стачек (стачки железнодорожников и текстильщиков Алепо, текстильщиков Хамы, Хомса и Дамаска, табачников и шоферов Ливана, трамвайщиков, электриков, печатников, кожевников, портовых рабочих, деревообделочников Бейрута и т. д.). В 1925—1927 гг. рабочий класс Сирии еще был слаб и неорганизован. Возникшая накануне революции компартия еще предста-

¹ Революционный Восток, 1928, № 3, стр. 286.

вляла небольшую, организационно полностью еще неоформленную группу Вэтих условиях рабочий класс не сыграл самостоятельной роли внутри национального движения, не обеспечил своего классового влияния на партизанскую массу, хотя в партизанских отрядах рабочим принадлежало почетное место.

Руководство единым национальным фронтом принадлежало национальной буржуазии. Но это руководство встало на путь капитуляций после первых же поражений революции. Та широкая партизанская борьба, которая развернулась в 1926—1927 гг., шла в основном без феодалов (за исключением отдельных вождей) и без крупной буржуазии.

В этот момент руководство движением перешло в руки национально-революционной мелкой буржуазии.

Выше приводились примеры предательства феодальных вождей. Большинство друзских феодалов с первого же момента выступило против революции. Другие друзские феодалы перешли в лагерь империализма после первых побед Гамелена. Такое же положение было на севере, где феодальная знать в основном выступала против партизанского движения. Отдельные же феодалы, бывшие вождями партизанских отрядов, вроде Рамадана Шаллаша, а также бедуинские шейхи в результате французских субсидий оказались изменниками.

По версии Мак Коллэм дамасские нотабли в августе 1925 г. просили Султана Атраша не входить в город, чтобы не нарушать мира. После октябрьской бомбардировки они пришли к губернатору „изъявить свою покорность“. В ноябре 1925 г., когда партизанские отряды Зейда Атраша должны были занять Дамаск, они вновь просили его оставить город в покое, „опасаясь возобновления бомбардировки“.¹

В конце 1926 г. французский верховный комиссар был завален декларациями феодалов, нотаблей и купцов, изъявлявших свою покорность. Эти декларации шли со всех концов страны. Вчерашние „союзники“ и попутчики революции — помещики и купцы — теперь устраивали в Дамаске банкеты в честь ее усмирителей. Эта перемена была вызвана, с одной стороны, радикальным разворотом партизанского движения, мощным подъемом крестьянской борьбы. С другой же стороны, буржуа испугались бомбардировок, разрушавших их дома и склады; помещики испугались репрессий (конфискации земли и имущества мятежных феодалов). Вот почему они ринулись в лагерь империализма, как только увидели, что верховный комиссар Понсо отдает назад вотчины раскаявшимся феодалам.

Национальная буржуазия не сразу стала на путь капитуляции. После разгрома национально-освободительной войны 1920 г. она вела — по крайней мере на словах — борьбу за независимость. Исполком национального конгресса, так называемый Сиро-палестинский комитет, переведенный в Каир,² выдвинул следующую программу:

¹ MacCallum, *op. cit.*, стр. 139.

² В состав этого комитета входили эмир Мишель Лютфалла, доктор Шахбандар и другие вожди помещичье-буржуазного национализма. Комитет имел постоянную делега-

1. Независимость и суверенитет Сирии, Ливана и Палестины.
2. Объединение этих стран. Создание общего конституционного правительства.
3. Эвакуация иностранных оккупационных армий из Сирии, Ливана и Палестины.
4. Отмена секретных договоров о разделе арабских стран.
5. Отмена мандатов.
6. Вступление Сирии, Палестины и Ливана в Лигу Наций.¹

На основе этих же принципов была выработана программа вновь образованной партии сирийской буржуазии Хизб-уш-Шааб (1925 г.).

1. Признание национального суверенитета Сирии.
2. Единство Сирии в ее естественных границах.
3. Демократические формы правления. Свобода личности, прессы и ассоциаций.
4. Защита национальной промышленности и развитие экономических ресурсов страны.
5. Реформа системы народного образования.

Спустя несколько месяцев программа Шааба была воспроизведена в манифесте временного революционного правительства, которое призвало бороться:

1. За полную независимость и единство Сирии.
2. За создание национального правительства.
3. За свободные выборы в Учредительное собрание и за конституцию.
4. За эвакуацию иностранной оккупационной армии и создание национальной армии.
5. За принципы великой французской революции и декларацию прав человека.

Это была буржуазная национально-освободительная программа. В ней не было ни одного аграрного требования.

В дальнейшем ходе революции национальная буржуазия изменила этой программе. В момент наивысшего подъема революции, когда по всей стране шли напряженные бои за независимость, национальная буржуазия вступила в дипломатические переговоры с империализмом. Она пошла на уступки. Она сдавала без боя одну за другой свои позиции, отказывалась от своих основных программных требований, стремясь во что бы то ни стало заключить компромисс с империализмом за спиной борющихся масс и за их счет. Правда, переговоры не привели ее

цию в Женеве при Лиге Наций — в составе эмира Шекиба Арслана (панисламист, до войны член турецкого парламента и сторонник Турции, после войны один из виднейших лидеров арабского национал-реформизма) и доктора Ихсана Джабри. Эта делегация в том же составе существует и до сих пор, причем Арслан завершил свою эволюцию, превратившись в платного агента Муссолини и Гитлера.

¹ См. Kampffmeyer, Damaskus, стр. 108.

к окончательной капитуляции. Компромиссы срывались или в лучшем случае заключались лишь на короткий период. Они расстраивались из-за противоречий между их партнерами. Но поиски компромисса не прекращались ни на один день, свидетельствуя о том, что в процессе революции национальная буржуазия стала на путь реформизма.

Переговоры начались в ноябре 1925 г. в Париже, сейчас же после бомбардировки Дамаска. „Герой“ этой печальной эпопеи, французский верховный комиссар в Сирии генерал Саррайль, вынужден был подать в отставку. Назначенный вместо него сенатор де-Жувенель немедленно связался с представителем Сиро-палестинского комитета Шекибом Арсланом, находившимся тогда в Париже. Арслан потребовал обеспечить полную независимость Сирии и Ливана, но он отказался от лозунга единства. По плану Арслана Сирия и Ливан получали сепаратное дипломатическое представительство за границей. Вопрос о принадлежности спорных территорий на границе Сирии и Ливана должен был решаться плебисцитом. Арслан даже соглашался признать прежние „жертвы“ Франции в Сирии и Ливане и вознаградить ее за эти „жертвы“ концессиями, монополией на выпуск колониальных займов, контролем над сирийской армией (под видом ее обучения), созданием французской морской базы на сирийском берегу и наконец франко-сирийским военным союзом.

Арслан не поставил вопроса об эвакуации французской армии из страны. Эти требования резко отличались от национальной программы, провозглашенной временным правительством. Но Жувенель отказался принять их.

По дороге в Сирию Жувенель остановился в Каире, где он вел переговоры непосредственно с Сиро-палестинским комитетом. Комитет выдвинул следующие требования:

1. Прекратить французский мандат.
2. Объединить Сирию.
3. Свести Ливан к его довоенным границам.
4. Образовать временное правительство для выработки конституции.
5. Провести безусловную всеобщую амнистию.
6. Компенсировать Джебель Друз за вред, причиненный французскими войсками и аэропланами.

Ньюмен однако указывает, что националисты из Сиро-палестинского комитета готовы были допустить участие французских советников в конституционном правительстве; что они предлагали передать французским советникам руководство теми „техническими“ департаментами, которые „не могут управляться“ сирийцами; что они предлагали организовать небольшую сирийскую армию с французскими инструкторами; что „единство“ Сирии мыслилось ими без Ливана (и тем более без Палестины и Трансиордании); что, принимая программу империалистического раздробления, они представляли себе „единую“ Сирию как федерацию четырех

карликовых государств: Дамаска, Алепо, Латакие и Джебель Друза. Но даже эти уступки не удовлетворили де-Жувенеля.

По приезде в Сирию (декабрь 1925 г.) Жувенель продолжал политику военного режима и карательных экспедиций против трудящихся масс Сирии и в то же время вел политику переговоров и попыток компромисса с буржуазией. „Мир — жаждущим мира, война — стремящимся к войне“ — в этом лицемерном лозунге была выражена его двойственная политика. На этот призыв Султан Атраш ответил, что сирийская революция только началась.

Жувенель попытался перетянуть Атраша на свою сторону. К Атрашу был послан эмир Амин Арслан. Но партизанский вождь отказался выслушать эмиссара империалистов.

Жувенель призвал партизан сдаваться, обещая амнистию всем повстанцам кроме „вождей“ и „уголовных“. Понимая смысл этого маневра, повстанцы продолжали борьбу.

В январе 1926 г. в ответ на требование Жувенеля о сдаче партизанское руководство предложило начать мирные переговоры между независимой Сирией и Францией, как равными сторонами. Жувенель поставил предварительным условием переговоров сдачу оружия. Партизаны отказались совершить этот самоубийственный шаг.

Массы продолжали упорную борьбу с империализмом. Перевес был еще на их стороне. Но национальная буржуазия, став на путь реформизма, шла на новые уступки, продолжала добиваться компромисса. В декабре 1925 г. Сиро-палестинский комитет снял требование „полной отмены мандата“ и согласился принять мандат в форме франко-сирийского союзного договора по иракскому образцу. Но Жувенель не принял даже этой уступки, продолжая добиваться полной капитуляции.

В начале 1926 г. сирийская буржуазия согласилась создать „национальное правительство“ под контролем Жувенеля на следующих условиях:

1. Всеобщая безусловная амнистия.
2. Объединение Сирии и ее вступление в Лигу Наций.
3. Сведение Ливана к его довоенным границам.
4. Договор с Францией, обеспечивающий сирийскую независимость во внутренних делах страны.
5. Постепенная эвакуация французских войск.
6. Валютная реформа.
7. Судебная реформа.
8. Компенсация за вред, причиненный французскими войсками.

В июне 1926 г. эта программа была дополнена и уточнена в меморандуме, представленном Жувенелю. Меморандум определил размер компенсации в 5 миллионов золотых турецких фунтов. План валютной реформы предусматривал восстановление золотого стандарта и выплату компенсации за потери, испытанные вследствие перехода к бумажной валюте. Эти пункты, касавшиеся карманов сирийской буржуазии, соста-

вили сердцевину ее политической программы. Таким же по существу вопросом кармана был вопрос о выходе к морю — ливанский вопрос. Сирийская буржуазия требовала не только „сжать“ Ливан до его прежних границ, но также провести плебисцит с целью присоединения Ливана к сирийской федерации. Ни одного аграрного требования в программе не было и быть не могло. Эта программа также не была принята Жувенелем.

В мае 1926 г. под напором растущей партизанской войны Жувенель попытался заключить компромисс с национальной буржуазией. Он создал так называемое „национальное правительство“ с участием арабских националистов (хотя во главе этого правительства стоял турецкий бюрократ Ахмед Нами, зять свергнутого турецкого султана). Для достижения компромисса Жувенель принял на словах следующие национал-реформистские требования:

1. Тридцатилетний франко-сирийский договор.
2. Выход к морю для Алепо и Дамаска, путем объединения Сирии.
3. Выборы в Учредительное собрание для выработки конституции.
4. Организация национальной армии и постепенная замена французских войск ее частями.
5. Возврат к золотому стандарту.
6. Общая амнистия.

Однако компромисс вскоре сорвался. Новое правительство не собиралось выполнять эту программу. Националисты вышли из его состава и были арестованы.

Но даже после этого провала национальная буржуазия продолжала искать компромисса с империализмом на базе своих прежних требований. Летом 1926 г. в Париж была послана делегация Сиро-палестинского комитета. Содержание переговоров неизвестно. По словам Мак Коллэм соглашение было достигнуто, но в последнюю минуту переговоры сорвались.

Жувенель не справился с задачами, порученными ему французским капиталом. Он не смог подавить восстания масс. Он не смог добиться компромисса с национальной буржуазией, несмотря на всю ее готовность к уступкам. Эти задачи были осуществлены при преемнике Жувенеля — верховном комиссаре Понсо.

После разгрома сирийской революции Понсо заявил, что Франция не откажется от мандата. Национальная буржуазия приняла эту декларацию. Это привело к формальному расколу между реформистскими и революционными элементами движения (фактический раскол между ними произошел значительно раньше, еще в период подъема революционной борьбы). В ответ на новую капитуляцию Шахбандара, Лютфалла и др., изъявивших свою готовность „сотрудничать с мандатной державой на благо страны“, — мелкобуржуазные национально-революционные элементы покинули Сиро-палестинский комитет.

9. ВЫВОДЫ

Подводя итоги сирийской революции 1925—1927 гг., надо прежде всего отметить ее международное значение. Революция вспыхнула в период относительной стабилизации капитализма, когда на Западе затихли арьергардные бои первого тура революций, и революционная волна, казалось, пошла на убыль. Вместе с великой китайской революцией, вместе с национально-освободительной войной в Марокко сирийская революция показала, что общий кризис капитализма продолжается; что никакие временные конъюнктурные сдвиги не могут спасти капитализм от его неизбежной гибели.

Сирийская революция наглядно продемонстрировала единство международного пролетариата и колониальных народов в их борьбе против империализма. Французская компартия вела мужественную борьбу против посылки карательных отрядов в Сирию, за полную эвакуацию французских войск из этой страны. Она призывала французских солдат брататься с сирийскими партизанами. Она разоблачала колониальные зверства французского империализма, поддерживала освободительную борьбу сирийских рабочих и крестьян.

Сирийская революция 1925—1927 гг. ускорила размежевание классовых сил внутри страны.

Она показала, что многие феодалы являются врагами революции. В своем большинстве они выступили против революции с самого ее начала. Феодалное же меньшинство, примкнувшее к революции, перешло в процессе борьбы в лагерь оккупантов (за исключением отдельных одиночек).

Революция 1925—1927 гг. показала громадные маневренные способности крупной национальной буржуазии. В начале революции буржуазия заняла руководящую позицию в антиимпериалистическом фронте. В процессе революции она отказалась от революционных методов борьбы, пошла на компромисс с оккупантами, но не капитулировала окончательно.

Сирийская революция выявила ту крупную роль, которую может сыграть в борьбе за национальную независимость мелкая городская буржуазия. Она показала, что без участия этого класса нельзя построить подлинно народный антиимпериалистический фронт.

Сирийская революция показала огромные революционные возможности крестьянских масс, ведущих борьбу в союзе с пролетариатом, под непосредственным влиянием освободительных идей Великой Пролетарской Октябрьской революции в СССР, открывшей эру гражданских войн в передовых странах и колониальных и национально-освободительных революций в отсталых. Партизанская война 1925—1927 гг. была генеральной репетицией той будущей великой арабской революции, которая покончит раз навсегда с империалистическим и феодальным гнетом, которая поднимет над Сирией и над всем арабским Востоком знамя национальной независимости. Революция 1925—1927 гг.

показала, что народные массы Сирии способны идти на величайшие лишения, проявлять величайший героизм ради своего освобождения. Она показала, что народные массы умеют побеждать. И в иной международной обстановке, при ином классовом руководстве никакие карательные отряды не смогут разгромить во второй раз сирийскую революцию.

Партизанская война 1925—1927 гг. показала, что в революционном огне плавятся барьеры религиозной, расовой, племенной и локальной розни, созданные феодалами и империалистами. Хотя сирийская революция не преодолела до конца раздробленность страны, хотя империалистам удалось создать в Ливане свою Вандею, тем не менее революция была крупным шагом к действительному объединению всех рас, сект, племен и местностей Сирии в их борьбе с общими угнетателями.

Наконец, сирийская революция вывела на сцену новый класс сирийского общества — пролетариат, и в этом заключается ее важнейший итог. Этот класс еще не был организован. Он еще не руководил революцией и даже не вел борьбы за свое руководство. Но он вырос в процессе революции. Он прошел хорошую школу стачек и баррикадных боев — и эта боевая школа позволила ему на следующем этапе начать борьбу за новый подъем национально-освободительного движения, за гегемонию в этом движении.

Но хотя сирийский пролетариат еще не выступал в качестве самостоятельного революционного фактора, хотя он не имел еще своих самостоятельных организаций, не имел еще никаких организационных связей с международным пролетариатом — тем не менее национально-освободительная борьба сирийского народа была непосредственно связана с международной борьбой двух систем. „События в Сирии показывают, что национально-освободительное движение в колониях неуклонно растет, ослабляет империализм и укрепляет борющийся за социализм рабочий класс“.¹ Такова оценка сирийской революции 1925—1927 гг., данная Коминтерном. Эта революция была одним из звеньев „единой международной революционной цепи“ — длинной цепи пролетарских революций и колониальных восстаний; была одной из „составных частей глубочайшего общего кризиса капитализма“, подготавливающих взрыв прогнившей капиталистической системы.

„Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом... Дело вовсе не в том, что борьба на Востоке и даже на Западе не успела еще освободиться от буржуазно-националистических наслоений, — дело в том, что борьба с империализмом началась, что она продолжается и неминуемо должна дойти до своего логического конца.

¹ Из резолюции VI расширенного пленума ИККИ; цит. по сб. „Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая“, 1934, стр. 128.

Иностранное вмешательство и оккупационная политика „внешних“ империалистов только обостряют революционный кризис, втягивая в борьбу новые народы и расширяя район революционных схваток с империализмом. Так октябрьский переворот, устанавливая связь между народами отсталого Востока и передового Запада, стягивает их в общий лагерь борьбы с империализмом. Так национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма“.¹

В этих словах тов. Сталина дана классическая характеристика международного значения и Великой Октябрьской революции и связанных с нею национально-освободительных революций на Востоке.

Национально-революционная борьба в Сирии еще не освободилась от буржуазно-националистических наслоений. Но после войны миллионы арабов вместе с другими колониальными народами были втянуты в борьбу с мировым империализмом. Англо-французское вмешательство, оккупационная политика англо-французских империалистов лишь обострила революционный кризис. Так, великий Октябрьский переворот, расшатавший империализм и в его центрах и на периферии и открывший эру гражданских революционных войн в передовых странах и национально-колониальных революций в отсталых странах, стянул в общий лагерь борьбы с империализмом, на ряду с другими народами Запада и Востока, многомиллионные арабские народы. Так, арабские народы, отброшенные империализмом на задворки истории, вновь заняли свое место на исторической авансцене. Они приобщились к основному потоку мировой истории, к потоку пролетарских революций и национально-освободительных войн. Они приобщились к международной борьбе за „освобождение наций, колоний и полуколоний от империализма“. И в тех освободительных революционных боях, которые назревают сейчас во всем колониальном мире, они несомненно займут одно из почетных мест. Об этом свидетельствует весь исторический опыт их героической борьбы, весь исторический опыт мощной сирийской революции 1925—1927 гг.

¹ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1934, стр. 56.